

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/279477>

Пёрышко (русская яойная сказка)

Направленность: Слэш

Автор: Mikka_Loitonnen (<https://ficbook.net/authors/107121>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: м/м

Рейтинг: R

Жанры:

Размер: Миди, 18 страниц

Кол-во частей: 2

Статус: закончен

Описание:

Сказка - ложь, да в ней намек...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Баловство да шалости. С каждой сказки по нитке - вот и сплелась история.

Не хотят прощаться со мной герои. Третья, последняя сказка цикла.

Хронология:

Первая сказка - От судьбы не уйдешь

Вторая сказка - Лель

Третья сказка - Пёрышко

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	13

Часть 1

- *Совсем ты, красна девица распоясалась. Тебе бы в горнице сидеть, женихов поджидать, да красной ниткой вышивать, а ты...*

- *Я и так в горнице сижу, света белого не вижу. Нитка мне синяя больше по нраву и, вот что, расскажу-ка я еще сказочку ...*

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки были молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жили-были купец с купчихой, и было у них три сына. Старшего звали Василий, среднего – Терентий, а младшенького все Митей кликали. Не могли нарадоваться на Митю родители, не по годам смышленным рос сынок. Еще и двух годков не исполнилось, а уж лепечет: «мама», «тятя». Невзлюбили его старшие братья. Мол, батюшка да матушка его больше любят да чаще к сердцу прижимают. Опоили они младшего брата немой водой – перестал Митенька разговаривать. Кинулись купец с купчихой по лекарям да знахарям. Никто помочь не может. Накупили зелий да снадобий разных – не прошла немота. Отыскали в какой-то деревне старого-старого деда-колдуна. Пришел он, на мальчонку поглядел, не шептать, не вычитывать не стал. Молвил только, что поможет Мите вода колодезная, нечистой силой поданная. Перекрестились батюшка с матушкой, взашей старика выгнали. Стали Митеньку еще пуще любить да баловать.

Как исполнилось Мите три годика, выпало купцу в края заморские, в град стольный ехать. Спрашивает он у сыновей: которому что привезти. Старший сын просит привезти коня доброго. И средний то же говорит. А младший, Митенька, вдруг побежал во двор, принес уголек и на печке перышко нарисовал.

Пригляделся купец – вроде гусиное перо.

- Тебе, Митенька, что ль, перышко привезти.

Кивает головой Митя. Старшие братья смеются над ним: мало что ль во дворе гусей ходит, бери, да дергай перья, надо ли из краев заморских везти. Цыкнул на них купец, и молвит:

- Привезу, дитяtko мое. Привезу тебе перышко.

Уехал купец. Набрал он в крае заморском, граде престольном, товару разного, нашел старшим сыновьям по коню доброму, и младшенькому перышко достал. Воротился домой, протягивает перо Мите:

- Вот, Митенька, бери свое перышко.

Принял младший сын перо гусиное, в руках повертел и качает головой, нет, мол, не то. Разводит руками купец – какое нашел.

Прошло еще три года. Вновь собирается купец в края заморские ехать. Вновь у сыновей своих спрашивает: которому что привезти. Старшие братья просят по мечу острому, а младший снова перышко рисует. Вгляделся купец, вроде лебяжье перо сынок просит. Кивнул головой – привезу. Прибыл в град престольный, достал старшим сыновьям по

мечу, а младшему – перышко лебяжье отыскал. Воротился домой, раздал подарки сыновьям, смотрит, а Митя перышко в ручки взял, повертел и головой качает, не то, мол. Вздохнул купец – уж какое было.

Еще три года минуло. Снова купец ехать должен. Позвал сыновей, спрашивает: кому что привезти. Старший сын просит невесту заморскую, средний, туда же – красну девицу пожелал. Поворотился купец к младшему, спрашивает:

- Тебе, Митенька, снова перышко.

Кивает головой Митя, смеются братья – да он слабоумный у нас. Вздохнул купец, а делать нечего, пообещал, что отыщет, что привезет.

Прибыл он в край заморский, град престольный, ходит по базару, товар выбирает. Смотрит, стоит мужичок – руки по локоть железные, голова чугунная, держит коробочку.

- Что продаешь, старина?

- Перышко Финиста – ясна сокола, - молвит мужичок и крышку приоткрыл. Глянул купец, так и есть – соколиное перо внутри лежит.

- Что за него просишь?

- Давай сто золотых.

Заплатил купец деньги, домой воротился. Старшие сыновья с невестами беседы ведут, да венчанья день выбирают, а младшенький стал в сторонке, мнется, подойти не решается. Подманил его к себе купец, подает коробочку. Открыл Митя крышку, посмотрел на перо, давай прыгать от радости, батюшку обнимать да целовать.

- Ох, ты ж, - качает головой купец, - столько радости из-за пера соколиного.

Повечеряли, разошлись кто куда. Пришел Митя в горницу свою, открыл коробочку, вынул перышко, о пол бросил – обернулось оно молодцем пригожим. Улыбается молодец приветливо:

- Кто ты, дитя малое? Кто сказал тебе, как отыскать меня?

Молчит Митя, очи в землю потупил, сказать ничего не может. Подошел к нему молодец, на колени опустился, привлек к себе:

- Отчего молчишь? Может, кого другого увидеть ожидал.

Помотал головой Митенька, показывает руками, мол, нем я, говорить не могу.

Опечалился молодец:

- Как же это. Ну, да ничего, не велика беда. Я тебя и так понимать приучусь. Величают меня в народе Финистом – ясным соколом. Коль тебе мое перышко досталось, быть мне твоим суженым. Только, мал ты еще, солнышко мое светлое. Обождать нам с тобой придется. Береги мое перышко, никому не показывай. Держи его при себе. Захочешь увидеть меня – брось оземь. Буду я улетать на день, а ночью – к тебе возвращаться.

Усадил Финист – ясный сокол Митю к себе на колени, голубит, разговоры ведет. После, спать уложил, поцеловал на сон грядущий, сам оборотился ясным соколом и улетел в чисто поле.

Долго ли, коротко ли, проходят дни, за ними ночи. Летает Финист – ясный сокол на воле

весь день, а на вечер возвращается. Всей душой привязался к нему Митенька, ждет не дождется ночи, чтобы милого своего увидеть, на колени к нему залезть и голос его любимый слушать. Минул год, за ним другой, подрастает Митя славным да пригожим. Любуется на него ясный сокол – хорош его суженый, на лицо мил, да душою добр и светел. Все дольше да крепче целует Финист на ночь милого своего, солнышко свое ласковое, оторваться от уст его сладких не может. Льнет к нему Митенька, ласкается, все настырнее любви выпрашивает. Обрывает себя ясный сокол, сдерживает страсть кипучую – не молодец перед ним, дитя малое. Хмурится Митя с каждым разом все больше, клянет себя, что говорить не в силах. Хочется ему рассказать, как милы ему ласки жаркие, как любы поцелуи горячие, как не хочется рук разжимать и отпускать от себя сокола ясного на день целый.

Засиделись они как-то до ночи поздней. Расставаться не хочется, все милуются.

- Маленький мой, - шепчет Финист – ясный сокол меж поцелуями, - Лететь мне надобно, а тебе спать укладываться.

Мотает головой Митя, какой там сон, коли тело огнем горит. Прижимается к милому своему, на коленях его ерзает.

- Ох, ты, егоза, что делаешь? – шепчет ясный сокол, сам ближе Митю притягивая. Впился в уста его поцелуем жадным, милует тело юное, за ягодички к себе прижимает. Трется об него Митенька, чует, как твердеет под ним плоть молодецкая, а хочется, чтоб еще теснее, еще жарче было.

Опомнился ясный сокол, тут же отстранил от себя Митеньку. Окинул взглядом уста манящие да очи шалые. Дышит суженый его прерывисто, оставлять свои ласки не хочет. Застонал Финист – ясный сокол низко, одежду с Мити сорвал и ну целовать уста его, шею да грудь. Выгибается Митя под страстью такой, дергает своего сокола ясного за рубаху, сыми, мол, ее с себя. Качает головой Финист – ясный сокол, не трогает одежи своей. Поцелуями грудь, живот обжег, да плоть юную устами приласкал. Изогнулся Митя от ласки неизведанной, задохнулся, будто воздуха ему не хватило, в первый раз семенем излился. На постели раскинулся, все силы его разом покинули, лежит, отдышаться не может. А Финист – ясный сокол штаны свои приспустил, уд наружу вынул, очей горящих с Мити не сводит, водит по плоти ладонью, стонет прерывисто. Привстал Митенька на постели, рукой плоти его коснулся несмело, – горяча, тверда – прошелся пальцами раз-другой. Закусил уста свои ясный сокол, очи зажмурил, спустил семя жемчужное на постель белую. Притянул к себе Митю, поцеловал нежно:

- Чует мое сердце – не дождемся мы с тобой, пока в возраст ты войдешь, - шепчет.

Улыбается Митенька, пусть, так хорошо ему, так любо, и без возраста можно обойтись.

Проснулся Митя поутру, а ясный сокол его уж улетел, знать, к вечеру воротится. Вышел Митенька из горницы своей, а старшие братья его спрашивают:

- Что это у тебя, братец, ночью в горнице было? Вроде как, стонал кто?

Молчит Митя, плечами пожимает; привиделось, вам. Братья по горнице его походили, и туда посмотрели, и сюда позаглядывали – нет никого. Только они ушли, отворил Митя окошко пошире, чтоб влететь его сокол ясный мог, да и во двор побег.

К ночи прилетел Финист – ясный сокол, оземь ударился, молодец оборотился, Митю на руки подхватил, поцеловал жарко.

- Соскучится по тебе успел, солнышко мое ласковое.

Всю ночь ласкались да миловались они; заглушал поцелуями Митя стоны ясного сокола своего томные, раздевал, гладил тело крепкое, а раз, осмелев, коснулся ладонью плоти тяжелой. Вскрикнул Финист – ясный сокол громко, повернул Митю к себе спиной, удом меж ягодицами водит, одной рукой бедра его сжимает, другой – ласкает плоть юную.

- Маленький мой, - стонет, - как же охота мне взять тебя.

Подставляется Митенька под ласки жаркие, уста пересохшие облизывает, дышит рвано. Не выдержал – дернулся в объятиях крепких, выплеснулся семенем на руку, что ласку ему дарила. Не успев выбраться из морока любовного, отстранился, ясна сокола своего на спину лечь заставил. Замер, очей от плоти его молодецкой отвести не может.

Смелости набрался, прильнул к ней устами, лизнул, будто леденец, что батюшка на праздники приносил. Застонал Финист – ясный сокол низко:

- Еще, - просит, - еще так сделай.

А Митю и упрашивать не надо: целует, ласкает устами уд каменный. Двинул бедрами вперед ясный сокол, выплеснулось семя молодецкое. Попало и на уста Мите немного. Поднял очи он на суженого своего, капли жемчужные пальчиком снял и языком слизнул. Переменился в лице Финист – ясный сокол, Митю к себе прижал:

- Ты, что ль, смерти моей хочешь? – шепчет. Милует суженого своего младого; вновь пробегает огонь по жилам, разгорается ярче страсть молодецкая. Всю ночь не спалось милым, под утро только закрылись очи ясные, пленил сон Митеньку. Укрыл его ясный сокол, поцеловал, не удержавшись, еще разок, оземь ударился, соколом оборотился и в окно распахнутое вылетел.

Не ведомо было ясному соколу, что не одни они не спали ночью этой. Услыхали старшие братья стоны глухие, подглядели в щелочку, едва от зависти не умерли.

- Как так? – говорят, – мы люди женатые, и то ласки такие нам неведомы! А младшенький, калика немощная, каждую ночь, поди, так забавляется! А молодец-то – красавец писанный!

Обуяла их зависть черная, натыкали в раму ножей острых да иголок. Прилетел сокол, бился, бился, всю грудь изранил, а потом вскричал:

- Прощай, суженый мой! Коли захочешь меня снова увидеть, иди в тридевятое царство, не прежде найдешь, пока три года не минуют, пока не истопчешь трех пар железных башмаков да трех посохов не притупишь железных.

Прокричал сокол слова горькие и улетел. А Митенька слышит сквозь сон, что зовут его, а пробудиться не может. Только сокол из виду скрылся, открыл очи Митя. Увидал на окне кровь милого, заплакал горько, вспомнил слова те, что в полусне слышались, в тот же час собрался и ушел из дому. Сковал ему кузнец башмаки железные, да три посоха, и отправился Митенька в странствие.

Идет по дороге, слезы роняет. А тут, как назло, буря поднялась, ветер разгулялся, дождь накрапывать стал. Осмотрелся Митя, где бы от дождя да от грома укрыться.

Смотрит – стоит изба заброшенная. Дверь разломана, оконницы пустые, да зато крыша цела и соломы во дворе охапка наберется. Зашел Митя вовнутрь – темно, боязно, да делать нечего. Али в темной избе ночь скоротать, али под дождем в дороге. Собрал соломы, сколько отыскать удалось, на печку погасшую уложил, сам на нее забрался, руками себя обхватил, для согреву, и уснуть пытается.

Вдруг, зашумело в избе, заплакало, будто дитя малое. Подскочил Митя, чуть с печки не свалился. Оглядывается, не видать ничего, тихо стало. Только прилег – опять заплакало-замяучило. То всхлипнет, то заночет, то захныкает. А то, по избе бегать начало, туда-сюда ножки топают. Спрыгнул Митенька с печки, во двор выбежал, а там ливень стеной стоит, протяни руку – не увидишь ничего. Замер мальчонка на пороге, тихо кругом, только дождь шумит. Только на печку полез – снова плачет, дитя, заливается. Посидел Митя, подумал, махнул рукой и спать улегся.

Проснулся Митя от пения птичьего. Наступило утро, улеглась буря. Вспомнил Митя, что ночью творилось, давай все углы в избе осматривать. Видит, в одном за балкой, будто что виднеется белое. Подтянул лавку, дотянулся, вытащил куколку тряпичную.

Оборотилось к нему лицо, углем нарисованное, отозвалась куколка голоском тоненьким:
- Ты кто будешь, дитяtko?

Чуть из рук не выронил ее Митенька. Не видывал он ранее, чтоб куколки разговоры вели.

- Ты чего, воды в рот набрал? – продолжает спрашивать куколка.

Покачал головой Митя: вот кто ему спать ночью не давал, да и потянулся обратно куколку воротить. Заголосила тут куколка:

- Нет! Не клади на место! Скучно здесь, сил нет никаких. Хозяева дом свой бросили, одно я тут. Возьми меня с собой, дитяtko, я тебе пригожусь!

Посмотрел на куколку Митя: на что ты сгодиться можешь.

- Пригожусь, - обещает куколка, - службу тебе сослужу добрую. Только забери меня отсюда. А надоем – найдешь дом любой, побогаче, будешь мимо проходить, сунь под балку, али под порог.

Поглядел на нее Митенька – забавная, да и сунул за пазуху. Все веселей будет. Взял посох свой железный и снова в путь отправился. А куколка высунулась из-за пазухи, головой крутит, все кругом рассматривает.

- Меня Чудинком в народе кличут, - молвит, - а тебя?

Молчит Митя, вздыхает только. Помолчало Чудинко, и вновь спрашивает:

- А куда мы путь держим?

Посмотрел на него мальчонка, остановился и палочкой в пыли дорожной вновь перышко нарисовал. Взглянуло Чудинко на рисунок:

- Красиво, - говорит, - А чего ты нарисовал-то? Перышко, никак.

А у Митеньки вновь слезы по щекам бегут. Вспомнился ему суженый его милый, сокол его ясный. Сдавила душу тоска, будто клещами кузнечными кто за сердце ухватил.

- Эй, ты чего? – разволновалось Чудинко. – Негоже богатырю слезы лить. Девица красная ты, что ль?

Махнул рукой Митя, какой из него богатырь.

- Вот что, - молвит куколка деловито, - ты иди себе, а я у тебя нянькой побуду. Уму-разуму научу. А кликать Перышком стану, хоть какое прозвище.

Стали они вместе странствовать. Не пожалел Митя, что куколку с собой прихватил.

Отвлекало его Чудинко разговорами от дум горьких, раз или два насмешило. Советовало,

где лучше переночевать, по каким тропкам идти, а какие лучше обходить пятой дорогой. - Раз, - говорит, - в одном доме чудило я, чудило. То хозяйку за подол ухвачу, то хозяина по лбу кочергой – веселое житье было. Ушли одни хозяева, пришли другие. Так я, то зайца им из-под печки выпущу, то щенка. Пугались они забавно. Тоже ушли. Скучно мне стало. Никто в избу не заходить, пугать некого. Потом ты пришел, да только не испугался. Хорошо, что пришел. Мне теперь не скучно. Куда? Куда ты сворачиваешь? Там сам черт ощупью ходит! Вправо бери, деревня там.

Так и повелось, идет себе Митя в тридевятое царство, а Чудинко болтает за пазухой без умолку.

Долго дело делается, да недолго сказка сказывается. Уж первый год Митя в дороге проводит. Шел, шел пару башмаков железных истоптал, посох железный притупил, ноги в кровь истер. Дошел до какого-то града, присел край дороги, ни шагу дальше ступить не может.

- Самая малость осталась, - молвит тихо Чудинко, - немного, Перышко. До города дойти надобно, там помогут тебе люди добрые.

Мотаает головой Митя, нет мочи дальше идти. Каждый шаг – будто по ножам острым.

А в ту пору Иван-царевич с царевной Милоликой своей тоже к граду стольному направлялись. Видит царевна, сидит на дороге мальчонка: худой, одежда изодранная, а из башмаков кровь по капельке струится. Велела она карету остановить, спрашивает:

- Кто ты будешь, дитятко?

Поднял голову Митенька, показывает, немой, мол, я. Стало жалко царевне бедного. В карету его усадила, да во дворец отвезла. Созвала нянек-мамок, отдала мальчонку им на заботу. Выкупали няньки-мамки Митю, ноги ему полечили, накормили сытно, да спать уложили. Отдохнул Митенька, повеселел.

Почистил сам платьице на куколке, кусочки угощений перед нею разложил, и спать с собой в постель забрал.

- Вишь, какой, - шепчет Чудинко, - добрый. В кучу тряпья не бросил, рядом на подушку положил. Ох, Перышко.

Как выпался Митя, позвала его к себе царевна.

- Кто ты и куда путь держишь, я тебя спрашивать не стану, - молвит, - вижу, что не по воле своей ты в дорогу отправился. Остаться здесь тоже просить не буду, не останешься, так ведь?

Мотаает головой Митя, не останусь.

- Тогда, поживи во дворце немного, сил наберись. А когда решишь вновь в странствия свои пускаться, ко мне приди. Я дорогу тебе укажу.

Склонился Митенька перед царевною низко, за добро ее благодаря, и в комнаты ему отведенные отправился.

- Хорошо, - отзывается Чудинко из-за пазухи, - поживем в палатах. Народ здесь тихий, непуганый. Ох, разгуляюсь я!

Вытащил Митя Чудинко и кулак ему показал. Таращит куколка очи нарисованные:

- Ты, что ль поверил? Чур, меня! Тише воды, ниже травы буду.

Помахал еще разок Митя кулаком перед Чудинком, для верности, и назад за пазуху

сунул.

- Нет, я тихохонько буду, - уверяет его куколка. – А народ, конечно, непуганый.

Провел Митенька во дворце немного времени. Отдохнул, сил набрался. Стал собираться в путь-дорогу дальнюю. Обул вторую пару башмаков железных, второй посох взял и к царевне попрощаться зашел.

- Так-таки идешь, - вздыхает царевна Милолика, - ну, ладно. Не мне тебя отговаривать да упрашивать. Слушай, как из града нашего стольного выйдешь, иди все время прямо, никуда не сворачивай. Путь неблизкий, сразу говорю, а в конце пути того лес стоит нехоженный. Живет в том лесу леший. К нему тебе надобно. Чует мое сердце, поможет он тебе. Возьми от меня на память вот эту серебряную масленочку с золотой крышечкой, в ней маслице лежит и никогда не заканчивается. А как станешь трапезничать, добавишь маслица в пищу, так вкуснее пищи и не сыщешь. Береги мой подарок Перышко, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет — сам его подари.

Поклонился Митя царевне Милолике и Ивану-царевичу, и пустился снова в странствия.

Долго ли, коротко ли, шел себе Митенька, шел, вторую пару башмаков истоптал, второй посох железный притупил; подошел к лесу дремучему, нехоженному. Сел на траву у края деревьев, думает, как бы лешего отыскать.

Вот Чудинко из-за пазухи выглянуло, оглядело ели вековые, буреломы да заросли непроходимые.

- Ох, - шепчет, - а иного пути нет? Тут не только лешего, тут, поди, кого хочешь повстречать можно.

Покачал головой Митенька, нет иного пути, и быть не может. Посидел, отдохнул немного, и в лес направился. Плутал он по лесу не день, не два. Уж совсем отчаялся, когда смотрит, будто виднеется что вдали. Прибавил шагу Митенька, вышел на полянку. На поляне той изба стоит, а подле нее, на завалинке леший сидит, леса хозяин. Подошел ближе Митя и замер: картина перед взором его открылась диковинная. Сидит леший на завалинке, недовольный, ворчит под нос себе что-то, а за спиной его – молодец пригожий, с гребнем в руках. Смеется-заливается и гребнем шкуру вычесывает, листики-веточки выбирает.

- Терпи, - молвит сквозь смех, - терпи теперь. Нечего было об заклад со мной биться.

- Гости у нас, - обронил вдруг леший.

Оборотился молодец, Митеньку увидал, нахмурился.

- Ты кто будешь? Заблудился, что ль? Гляди, какой, - молвит лешему, - отощавший, оборванный весь. Сколько ж ты по лесу плутаешь-то, маленький?

- Маленький, твоя правда, а беду с собой великую принес, - отвечает леший. – Пусть покажет, что за пазухой у него.

Обомлел Митя. И на что он надеялся? Что леший его примет ласково, да поможет тут же?

- Доставай меня, - шепчет Чудинко.

Вытащил Митенька куколку из-за пазухи, показывает. Молодец гребень в сторону отложил, поближе подошел, Чудинко разглядывает.

- Что за диво?

- Пуганко это. Кикиморе родня. Коли в дом подбросишь, никому в доме том покоя не будет: ни стару, ни младу. Разожги огонь, извести его надобно.

Как услышал то Митя, отбежал в сторону, куколку за пазуху спрятал: не отдам, мол.

- Ты что творишь, Перышко, - шипит Чудинко, - отдай меня им, леший потом поможет тебе. Запомнювал, что царевна говорила?

Покачал головой Митенька, не запомнювал, да только еще рукою прикрыл куколку за пазухой, чтобы не отобрали.

- Думается мне, не с лихим умыслом он пришел. И не для того, чтоб беду нам в избу подложить, - качает головой молодец, - неужто мало ему деревень да городов по дороге встретилось? Только к нам Пуганко нести надобно было? Нет, милый, другая у мальчонки забота. Поди сюда, не бойся. Не тронем мы куколку твою.

Взял молодец Митю за руку, в горницу завел, выкупал, накормил, в постель уложил.

Уснул Митенька, а перед тем, куколку под подушку сунул, от лиха подальше. Королевич подле на постель сел и молвит тихонько:

- Эй, Пуганко. Покушать не хочешь?

- Нет, - отзывается куколка. – И в печку не хочу.

- Вылезай, - усмехается королевич, - Не тронет тебя леший. Я тебя накормлю, одежду постираю.

- Перышко накормит и постирает.

Так и не вылезло.

Посидел еще королевич, видит, не дождется он куколки, покачал головой, усмехнулся и во двор вышел.

- Уснул гость наш незванный, - молвит лешему. – Напугал ты его. Неужто и вправду подумал, что на беду он пришел?

Вздыхнул леший:

- Нет. Только надо было так сделать. А зачем, подумай, сам поймешь.

- Да, я понял, - улыбнулся королевич, прильнув к лешему. – Слушай, гости спят. А я тут недалече как вчера такую рожицу в лесу нашел. Пойдем, я тебе ее покажу.

- Что я деревьев не видывал? – ворчит леший, будто и вправду идти никуда не хочет.

- Там не только деревья. Там еще трава мягкая, будто ковер кто расстелил, - ласкается королевич к лешему.

- Так уж и ковер? – переспрашивает леший недоверчиво. – Ну, веди, что ль.

Улыбнулся королевич, поцеловал милого своего и повел прочь от избы.

Проснулся Митя на следующее утро. Сел в постели, подивился – тепло, мягко, ноги не болят, и тут вспомнил, как хотели у него друга единственного отобрать и в печь бросить.

Откинул поскорее подушки, нашел свою куколку, на руки взял, да к себе прижал.

- Чего ты, болезный. Тут я, никуда не делось. Теперь уж и я не брошу тебя, как ты меня не бросил, и не откажусь, как ты не отказался.

Улыбается Митенька, Чудинко в руках баюкает. Так и застал его леший, с куколкой на руках.

- Отдохнул, молодец юный?

Поглядел на лешего Митенька, головой кивнул, да Чудинко за спину спрятал.

- Не бойся, не трону я куколку твою. Дай, на ноги твои погляжу. Это кто тебя надоумил железные башмаки в дорогу одевать? Ноги в кровь истерты. Выбросил я их, дам тебе лапоточки новые, легонькие.

Замотал головой Митя. Достал свою суму дорожную, достал третью пару башмаков железных. Показывает – эти, мол, одену. Оглядел его леший внимательно и молвит:

- Ну, коли так, никуда не выпущу, покуда ноги твои не вылечу. Ложись обратно, сейчас тебе покушать принесут.

Лег Митя на подушки. Леший подле него сел, ноги ему обмыл отваром целебным, платком перевязал, наказал три дня не сымать и ходить поменьше. Тут и королевич подоспел. Подхватил Митю на руки, за стол усадил. Накормил, напоил гостя юного. Стал спрашивать кто да откуда, только отмалчивается Митенька. Зато Чудинко разговорилось:

- Перышко это, - молвит, - куда путь держит мне неведомо, да видно гонит его нужда великая. Иначе с чего бы дитячко в путь-дорогу отправилось. Добрый он, ласковый. Напугать его трудно. Тоска у него на душе. Невесел, улыбается редко. Так что в обиду я его не дам!

- Да не будем мы обижать твое Перышко, - подошел к ним леший. – Вылечим, подкормим, подарок дадим.

- Подарок – это хорошо, - отвечает Чудинко. – Слышь, Перышко, подарок тебе дадут.

Кивает Митя, слышу, мол. Притянул к себе куколку, и, уже привычно, разложил перед ней кусочки угощения, да одежду почистил. Смотрит, а молодец ему уж уголек протягивает. Взял его Митя, лицо куколке подрисовал. Подумал-подумал и на столе прямо перышко нарисовал. Показал на него лешему, ждет, догадается, аль нет. Взглянул леший на рисунок, нахмурился:

- Долго ль вы странствуете? – спрашивает.

- С той поры как меня Перышко нашел, второй год к концу добегаю, а до того неведомо мне, - отвечает Чудинко.

Покачал леший головой:

- Далеко ж вам идти еще будет. Добро, помогу тебе в деле твоём трудном. Отдыхай у нас, сил набирайся, а как решишь, что идти тебе надобно, помогу я тебе дорогу верную отыскать.

Любо Мите в гостях у лешего. Королевич о нем заботится, кормит, поит, лечит. Да только тоскно на душе у Митеньки. Смотрит он как леший и королевич друг с другом обходятся, все милого своего, сокола ясного вспоминает. Погостил Митя у лешего немножко и стал снова в путь-дорогу собираться. Обул третью пару башмаков железных, третий посох в руки взял. Чудинко за пазуху сунул, и к лешему подошел. Оглядел его леший, на ноги взглянул, ничего не сказал, головой покачал только. Выступил на крылечко, крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом, и собрались к нему со всех сторон звери разные.

- Слуги мои верные, звери порыскучие! Кто из вас дорогу к владениям Кощеевым указать может?

- Никто, - отвечают звери, - видом не видали, слыхом не слыхали дороги такой.

- А ну, рассчитайтесь промеж себя: может, не все пришли.
- Звери рассчитались – нет серого волка. Леший послал искать его; тотчас побежали гонцы и привели волка серого.
- Сказывай, серый волк, не ведаешь ли дороги к владениям Кощеевым?
- Как же мне ее не знать, коли часто я бываю в лесах его.
- А далеко ль до лесов тех?
- Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я побегу – в три дня доставлю.
- Проводи туда молодца юного. Чует мое сердце к Кощею Бессмертному ему надобно.
- Отчего ж, - соглашается волк, - садись ко мне на спину, молодец, да держись крепко. Свалишься, я останавливаться и искать тебя не стану.
- Станешь, - молвит леший грозно, - целым и невредимым довезешь! Ну, прощай, Перышко. Прощай, Пуганко. Отвезет вас серый волк во владения Кощея Бессмертного. Ничего не бойся там, дитячко, и не робей. Много я лет на белом свете живу, а Кощей Бессмертный еще больше. Нарисуешь ему перышко, он поймет и поможет.

Поклонился Митя низко, благодарный лешему за доброту да за ласку. Подошел тут королевич, подает Мите яичко золотое.

- Вот, - молвит, - возьми подарок обещанный. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.
- И совет на прощанье прими, - говорит леший, - как во владения Кощеевы попадешь, не суди никого по взгляду первому.

Поклонился еще раз Митенька, подарок принял, в суму дорожную положил, на серого волка сел, да Чудинко поглубже за пазуху спрятал, чтоб не выпало.

- Прощайте, - пищит куколка, - спасибо вам.

Сорвался с места серый волк, раз, и нет его, за горизонтом скрылся, не увидеть, не догнать нельзя.

Прильнул королевич к лешему, спрашивает тихонько:

- Какая у него забота? Отчего рыщет по свету белому, себя не жалея?
- Ищет он Финиста – ясна сокола, - отвечает леший.
- Отыщет ли?
- Отыщет. Нелегко это, да сердце любящее у него есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

***

Часть 2

В три дня домчал серый волк Митеньку во владения Кощеевы. Целым и невредимым доставил, как леший наказывал. Слез Митя с волка, обнял за шею его, на радостях.

- Пусти, болезный, - ворчит волк, - вижу, вижу, что ты мне благодарен. Иди сейчас прямо, никуда не сворачивай, ничему не дивись. Это царство Кощея Бессмертного, тут всякое случается.

Поворотился и пропал с виду волк серый, лешего гонец верный.

Тут Чудинко из-за пазухи выглянуло:

- Ох, куда занесло нас с тобой, Перышко. Про Кощея-то Бессмертного такое люди сказывают. Как бы не съел он нас.

Улыбнулся Митя: авось, не съест. Идет он лесом дремучим, идет через пни-колоды, идет прямо, никуда не сворачивает, а лес все чернее, все чаще. Тут слышит Митенька, будто смеется кто, и чем ближе он подходит, тем громче смех становится. Вот открылась перед ним полянка невеликая, а на полянке той озерце.

- Русалки что ль пляшут, - бубнит себе под нос Чудинко.

Пригляделся Митя – не русалки. Плещутся в озерце два молодца пригожие, смеются, друг на друга водой брызгают. Вот один из воды выбежал, на берег упал, руки-ноги раскинул. Смотрит Митя юный он совсем, чуть-чуть его самого старше. А второй молодец к нему подошел, рядом на колени опустился, спрашивает:

- Что ты, Лель, устал что ль?

- Дай отдышаться, Ванюша, - отвечает ему первый.

- Не дам. После отдышишься.

Как начали они целоваться да миловаться, покраснел Митя, очи отвел, куда деть себя не знает.

Поворотился, хотел отойти чуток, пока не заметили, вправо от себя глянул, да так и замер. Стоит неподалеку еще один молодец, росту невеликого, смуглый весь, худой, очи раскосые, черные, будто у степняков, что у братьев на картинках Митя в детстве видывал. Смотрит молодец на Митеньку, очей не отводит, будто ножами пронизывает. Вспомнил тут мальчонка лешего совет, поклонился низко. Отвел взгляд молодец, отступил на шаг, молвит тихо:

- Ходи за мной.

Привел он Митеньку на поляну широкую, к терему высокому. У ворот еще раз его оглядел и во двор завел.

- Ну, - спрашивает, - кто таков будешь? Чего в лесу этом забыл?

Молчит Митенька, оробел перед взглядом острым, очи в землю потупил, духу набирается, чтоб голову поднять.

- Перышко это, - донеслось тут из-за пазухи, - не разговаривает он.

Чудинко голову высунуло, огляделось и добавило грозно:

- Но в обиду я его не дам!

- Ты гляди, защитник, каков! – рассмеялись тут неподалеку, - Ростом с вершок, а речи какие ведет!

Набрался духу Митя, голову поднял, глядь, а они не одни уж во дворе. Подошел к ним неслышно молодец, да какой! От роду Митя таких не видывал. Сам белый, кудри белые, очи светлые, будто сталь на мече у воинов отцовских. Смотрит на Чудинко, улыбается.

- Кто это? – у степняка спрашивает.

- Перышко. И... как ты себя величаешь?

- Чудинко я. И ничего, что я росточком невелик. Я много чего могу.

- Можешь, - согласился смуглый молодец, - Чудинко, так Чудинко. А товарища своего, стало быть, ты Перышком кличешь? Это не его имя.

- Не ведомо мне имя его настоящее, - бурчит куколка, - Кто вы такие? Нам к Кощею Бессмертному надобно. Ведомо вам, где он?

Усмехнулся степняк, ничего не ответил. Подошел к колодцу, в кружку простую воды набрал и Мите подал.

- На вот, - молвит, - выпей в три глотка.

Выпил воду Митя, толком не поняв для чего. Забрал у него кружку молодец и спрашивает:

- А теперь, отвечай: как зовут тебя, откуда ты, куда путь держишь, и для чего меня искал. Я Кощей Бессмертный. Что забыл ты в лесах моих?

Замер Митя: как ответить Кощею? Уголек, что ль, попросить?

- Ну, чего молчишь? – хмурит брови Кощей. – Отвечай, коли я спрашиваю. Ну?

Затрепетал весь Митенька и, сам от себя не ожидая, ответил:

- Митей зовут меня..., - а как голос свой услышал, так слезы и полились.

Переглянулись Кощей Бессмертный с молодцем белоликим, завели Митю в терем, ничего боле не спрашивая. Выкупали, накормили, напоили, и почивать уложили.

Уж завечерело, когда открыл Митя очи свои ясные, ото сна крепкого пробудившись. Вспомнил, что речь ему Кощей Бессмертный вернул, а слово молвить, проверить, боязно. А ну как не выйдет. Молчит Митя, уста кусает; думает вымолвить что-то, аль нет. Тут услышал он в горнице голоса молодецкие. Прислушался Митя, вроде о нем хозяева речи ведут.

- Одежка потрепанная, да чистая, ступни не раз, видать, лечили, худенький, одни ребра торчат. Это ж, какое лихо мальчонку по свету белому рыскать заставило? – молвит один голос, незнакомый, юный совсем.

- Сердце, - вроде как Кощей отвечает.

- Помочь ему надобно, - продолжает первый голос.

- Поможем, Лель, не тужи, - молвит еще один голос, - Взгляни, может, пробудился уже. Негоже на закат почивать.

Откинул Митя покрывала мягкие, встал с постели, смотрит, во что бы одеться – одежды его не видать. Тут заходит в опочивальню молодец юный, тот самый, что в озере плескался, кого Лелем кличут. Увидал, что пробудился Митенька, так к нему и кинулся:

- Ляг обратно! Не время тебе вставать еще! Лежи, отдыхай, сил набирайся.

Смотрит на него Митя, заговорить не решается. Ну, думает, будь что будет:

- Спасибо, - вымолвил с запинкой. – А где... Кощей Бессмертный.

- Тут я, - заходит Кощей, а за ним и все, кого Митенька ранее видал. – Ну, сказывай теперь: далеко ли, близко идешь?

- Далеко ли близко, сам не ведаю, Кощей. А ищу я суженого своего, Финиста – ясна сокола. Разлучила нас судьба темная. Я у царевны с царевичем был, они меня к лешему направили. Леший – к тебе, Кощей Бессмертный провел. Не слышал ли ты про суженого моего что-нибудь?

- Отчего же, - отвечает Кощей, - слышал. И путь-дорогу к суженому твоему указать смогу. Только запомни Митя, разлучила тебя с суженым не судьба темная, а всего лишь зависть людская. И если не отступишь от замысла своего и не отречешься от любви своей, то все в твоей жизни на лад пойдет, и счастье не покинет тебя.

- Не отрекусь, Кощей Бессмертный, - отвечает Митя твердо, - я два года по белу свету скитаюсь, все его ищу. Коль нужно будет, еще два года в дороге проведу, или больше, но отыщу, с собой заберу и никуда от себя не пущу.

Улыбается Кощей Бессмертный печально:

- Да что же за судьбы у нас такие: за счастьем своим тридевять земель обходить, - покачал головой и молвит:

- Отдыхай, Митя, ничего не бойся. Не будет тебе тут лиха. Вот этого молодца Лелем кличут, а этого – Иванушкой. А это – Белый Полянин. Знаем мы, все четверо, каково это – с милым своим в разлуке быть. Утром покажу я тебе дорогу к соколу твоему ясному. А пока спи. Утро вечера мудренее.

Остался Лель с Митей, бегают вокруг него, хлопчат. В постель мягкую назад уложил, отваром из трав целебных напоил, покрывалом укутал; Чудинко забрал и с собой унес. Выстирал платъице его, вычистил. Лицо наново подрисовал, накормил и назад отнес, к Мите на подушки.

- Долго ему еще по свету скитаться, - шепчет тихо, - ты береги его.

- Да уж сберегу, - ворчливо отзывается Чудинко.

Только-только солнышко подниматься начало, только-только мелькнул белый всадник у ворот Кощеевых, а Митя уже на ногах. В горницу заходит, и к Кощейю тут же. Ждет, пока тот хоть словцо о суженом его обронит. А Кощей за столом дубовым сидит, очей от воды колодезной в миску деревянную налитой не отводит. Молчит, хмурится только. Не выдержал Митя, первым разговор начал:

- Не томи, Кощей Бессмертный. Не могу я ждать больше. Где искать мне суженого своего, Финиста – ясна сокола?

Вздыхнул Кощей, выплеснул из миски воду колодезную и молвит:

- Сокол твой ясный в тридевятом царстве. Слух там прошел, будто берет себе в мужья просвирнина дочка не простого человека, а сокола сизокрылого. Туда идти тебе надобно. А придешь, наймись у просвирни работником. Что дальше делать, думается мне, сам поймешь.

Кивает Митя, а у самого на душе тоскно. Променял его Финист – ясный сокол на дочь просвирнину. Может, не люб он ему более, может зря Митя путь такой проделал.

- Люб, али не люб, после у сокола своего спросишь, - будто угадал думы его Кощей.

- Все одно, свидеться вам надобно, - добавил Белый Полянин. – А там, и что делать

дальше решите.

- Быть такого не может, чтобы забыл он тебя, - молвил вдруг доселе молчавший Иванушка. – Не забывается любовь горячая, нельзя страсть кипучую навек затушить, и никому не под силу из сердца изгнать ласку, хоть раз испытанную.

Поблагодарил их Митя за слова добрые, да заботу, стал снова в путь-дорогу собираться. Надавали ему с собой еды всякой, одежды теплой, а как глянул Лель на башмаки его железные, аж в лице переменялся.

- Ты что, - молвит, - ноги в кровь наново изотрешь!

- Пусть, - отвечает Митя, - третья пара это. Стоптать мне их надобно.

- Третья пара! – всплеснул руками Лель. Поохал, поохал, да и положил Мите в суму лапоточки легонькие.

- Это, - сказывает, - как третью пару изотрешь, чтоб босиком не шел.

Поблагодарил Митя молодцев за доброту, за ласку. Кощею Бессмертному низко поклонился. Чудинко вновь за пазуху сунул, посох железный в руки взял и в путь-дорогу отправился. Вывел его Кощей из леса и молвит:

- По этой дороге пойдешь, а как до края степи доберешься, влево бери. Там камень придорожный увидишь, не смотри что на нем написано, смело прямо иди. Там и до тридевятого царства дойдешь. Прими от нас на память подарок малый: кубок серебряный. Любой воды наберешь в него – вином вода простая станет. Береги мой подарок Митенька, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет, аль нужда заставит — сам его подари. На дороге обратной можешь к нам в гости завернуть. С добрыми вестями, аль с лихими – мы тебе одинаково рады будем. Ну, ступай. Что видел во владениях моих направо и налево не рассказывай. Нечего люд простой вестями чудными тревожить.

- Спасибо тебе, Кощей, - молвил Митя. – Не расскажу никому, молчать, как рыба буду. Больно дорога мне дружба ваша, чтоб на досужие сплетни ее менять.

Попрощался Митя с Кошеем Бессмертным и отправился дальше странствовать. Уж железные башмаки истаптываются, железный посох изнашивается, а он все идет да идет. Долго ли, коротко ли, а подошел Митенька к тридевятому царству, к граду стольному. Походил, поспрашивал, указали ему дорогу к терему дочери просвирниной. Только ступил на порог Митя, лопнула третья пара башмаков железных.

- Ну, - молвил он тихонько, - стало быть, путь мой здесь заканчивается.

- Обуй лапоточки, что Лель тебе подарил, - отвечает ему Чудинко, - сил моих нет, на ступни твои окровавленные смотреть.

Переобувается Митя, радуется, что суженого увидит скоро, даже боли не чувствует. В терем зашел, перед дочкой просвирни встал и молвит:

- Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужен ли вам будет работник, за хлеб, за одежду-обужу?

- Надобно, - отвечает просвирнина дочка. - А умеешь ли ты печи топить и воду носить?

- Умею.

- Ступай тогда на кухню людскую. Скажешь, я велела, чтоб накормили тебя. Будешь у меня истопником.

Стал Митя работать на чужом дворе. И всякое дело спорится у него, да ладится. Хозяйка

глядит на Митеньку, радуется. Молодец юный, а за работу любую берется; и хлеб ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит.

Вечерком, управившись с хозяйскими работами, Митя на крылечко вышел, хотел на сеновал прошмыгнуть, а там сесть да подумать, как бы суженого своего встретить.

Вдруг, слетел с неба сокол сизокрылый, оземь ударился, оборотился молодцем пригожим, да в терем и направился. Стоит Митя, пошевелиться не может. Молодец-то не кто иной, как Финист – ясный сокол! Прошел молодец мимо, на работника мельком взглянул и не признал, суженого своего младого: истомился Митя, путем-дорогою идучи, и от печали по соколу своему изменился в лице, повзрослел. Нет больше Митеньки – дитяти малого да смешливого, любимца маменьки да батюшки. Есть молодец юный, ладный да стройный, с тоскою неясною в очах светлых. Провел взглядом Митенька ясного сокола, сбежал с крылечка, на сеновал забежал, Чудинко достал и рассказывает: - Не признал, не признал! Забыл, забыл меня сокол мой ясный.

- Не печалься, - успокаивает его куколка, - что-нибудь придумаем. Я тут день сиднем не сидел, я по комнатам погулял тихонько. Послушал, что люди сказывают. Привела просвирнина дочка сокола твоего всего израненного. Вылечила. Стал он снова по поднебесью летать. Только, шепчутся служанки, что печален Финист – ясный сокол, вздыхает часто, будто грустит. И что свадьба будет вскорости, это хозяйка старая придумала. Сам ясный сокол не говорит ничего, не соглашается, не отказывается, будто все равно ему. А просвирнина дочка уж два года его женихом своим кличет. Все дворовые над ней насмеваются. Говорят, с таким женихом, век в девках просидишь. Но отпускать от себя она его не хочет.

Слушает Митя Чудинко, а у самого от надежды проснувшейся очи так и блестят. А куколка дальше ему рассказывает:

- Жадная больно у просвирни дочка. Как увидит что забавное, да диковинное, покоя себе не найдет, лишь бы заполучить, да к рукам прибрать.

- Заполучить, говоришь, - улыбнулся тут Митя. – Прав был леший, пригодится мне подарок его.

Достал из сумы своей дорожной яичко золотое, что леший с королевичем ему подарили, снова во двор вышел, пред окнами просвирниной дочки встал и перед собою яичко бросил. Яичко вперед покатилося, повернулось - и вдруг раскинулось перед Митей злат-серебряное царство-государство красоты невиданной, с дворцами и людьми, только дворцы в ладонь вышиной, люди - в полмизинчика, однако все двигаются и говорят, будто живые. Увидала из окна просвирнина дочка диво такое, да чуть не умерла от зависти, во двор выбежала, стала Митю просить:

- Продай мне забаву свою. Никаких денег не пожалею, все, что попросишь, отдам!

- Не надо мне денег, - отвечает Митя. - Дозволь только в лицо жениху твоему, Финисту – ясну соколу, поглядеть.

Подумала просвирнина дочка, подумала: «Оттого беды большой не будет, коль посмотрит на него работник, а с такой забавой мы с матушкой озолотимся. А я ясному соколу в питье зелья сонного намешаю, пусть себе спит. А то, работник пригожий, мало ли».

- Ладно, - молвит, - так и быть. Ночью, как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, идет Митя в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит – спит суженый его сном непробудным. Кинулся Митенька к постели белой, обнял милого своего, к груди прижимается, по имени его зовет, — спит ясный сокол, не пробудится.

- Это я, - молвит сквозь слезы Митенька, - суженый твой. Я три пары башмаков железных истоптал, три посоха железных затупил, все к тебе шел, тебя, милый мой, искал. Пробудись, сокол мой ясный, открой очи свои, на меня посмотри.

Не просыпается Финист – ясный сокол, не целует Митю в уста сладкие, не прижимает к груди своей, крепко держит его зелье в оковах сонных.

Смотрит Митенька, насмотреться не может на суженого своего милого, целует в уста сахарные, прижимается к груди белой. Вот и утро наступило, а не добудился Митя ясного сокола. Поднялся с коленей Митенька, слезы вытер и вновь работать отправился.

Целый день работал Митя не покладая рук, а как вечер наступил, подошел к дочери просвирни и молвит:

- Есть у меня еще забава диковинная – кубок серебряный. Простой воды в него набираешь, вином вода становится.

Не поверила сначала просвирнина дочка, проверить захотела. Велела принести ведро воды колодезной, в кубок набрала, испила и молвит удивленно:

- И впрямь, вином вода стала! Продай мне забаву свою! Никаких денег не пожалею, все, что попросишь, отдам!

- Не нужны мне деньги, - отвечает ей Митя. – Могу так отдать забаву свою. Дозволь только еще разок на Финиста – ясна сокола поглядеть.

Взъярилась было просвирнина дочка: это где видано, молодцев юных к жениху в опочивальню пускать, однако жадность глаза застит, думает она: «Не убудет, небось, с жениха моего. Опою его сонным зельем, он на этого молодца и не поглядит».

- По рукам, - отвечает. - Согласна я!

Приходит Митя в покои Финиста - а тот спит непробудным сном. Всю ночь будил Митя суженого своего, не добудился. Наутро поцеловал уста сахарные, и вновь работать во двор отправился. А вечером, достал последний подарок - серебряную масленочку с золотой крышечкой и вновь к просвирниной дочке пришел.

- Есть у меня, - молвит, - еще забава. Масленка серебряная, с крышечкой золотой. Маслице в ней никогда не заканчивается.

Не поверила просвирнина дочка, черпала, черпала маслице, а донца в масленке не видать. Стала просить Митю:

- Продай, - говорит, - мне свою забаву. А коль продавать не хочешь, давай меняться. Ты мне масленку так отдаешь, а я тебе разрешаю еще ночь на суженого моего поглядеть. Только запомни – ночь эта последняя! Утром, чтоб не было тебя здесь. Ни к чему мне работник, который на жениха моего заглядывается.

Согласился Митя на условие такое. А просвирнина дочка вновь ясна сокола сонным зельем опоила.

Заходит ночью Митенька в опочивальню, а суженый его спит сном крепким. Будит Митя милого своего, будит — никак добудиться не может, а рассвет близко. Забрался тогда он на постель, покрывала откинул, одежду с себя стянул и к соколу прижался поближе.

- Последний разок, - молвит, - поцелую тебя, поласкаю. Как же соскучился я по ласкам твоим горячим, по устам твоим нежным.

Водит ладонями Митя по телу белому, целует суженого своего в уста, по шее вниз спускается. Руками-ногами вокруг него обвился, трется о кожу горячую, стонет.

- Пробудись, сокол мой ясный, - просит Митя, - погляди на меня. Вырос суженый твой, не дитя более. Как хочю я, чтоб взял ты меня, милый мой.

Спит ясный сокол. Чудится ему сквозь сон, будто кличет его кто-то, а очи открыть не может.

Поцеловал Митя сокола своего в уста крепко да жарко. Рукою вниз провел, хоть и спит ясный сокол, а пробудилась плоть его молодецкая. Недолго думал Митя – всего одна ночь у него осталась, приласкал устами плоть горячую, на бедра милого сел, да потихоньку на уд его и насадился. Закусил уста, - больно, будто огнем кто опалил, голову опустил, две слезинки со щек сорвались, да на плечо голое Финиста – ясна сокола упали, да кожу его и обожгли. Очнулся Финист – ясный сокол, открыл очи свои ясные, Митю увидел, за плечи его схватил, присмотрелся и шепчет:

- Какой сон мне снится дивный. Будто суженый мой, солнышко мое светлое, передо мной явился.

- Не сон это, - молвит Митя едва слышно.

- Сон, - провел руками Финист – ясный сокол по телу его, - мой суженый только во снах моих говорит со мной.

Толкнулся бедрами ясный сокол, зашипел Митя, не прошла еще боль. Распахнул тут Финист – ясный сокол очи свои, опомнился:

- Маленький мой, ты что натворил?

Ссадил он милого своего с себя, на постель уложил, смотрит, очам не верит.

- Не сон, правда твоя. Как ты нашел меня? Аль передумал?

- Что передумал? – спрашивает Митя, рук от милого своего оторвать не может, ласкает тело его, ближе притягивает, в уста целует. – Давай, я после тебе все-все расскажу. Я три года по белу свету скитался, тебя искал. Не хочу сейчас разговоры вести. Целуй меня, суженый мой милый, коли люб я тебе по-прежнему.

- Люб, ох, люб, - молвит ясный сокол, целуя Митю, да лаская кожу его белую. Выгибается Митя, прижимается еще ближе, еще крепче. Обхватил рукой плоть суженого своего, вверх-вниз провел, зашептал прерывисто:

- Возьми меня. Не дитя я боле. Вырос.

- Не дитя, - откликнулся Финист – ясный сокол. У ног Митеньки сел, плоть его приласкал. Перевернул на живот молодца юного, поцелуями спину осыпал, пальцами меж ягодиц прошелся. Изогнулся Митя, застонал жалобно.

- Стони, - шепчет ему Финист – ясный сокол, - кричи подо мною. Любо мне голос твой слышать.

Подхватил под бедра Митю, уд свой в него направил, толкнулся раз, другой, до конца вставил и замер, не желая боли лишней причинять. А Митя уже и забыл, что больно

было, руками о постель уперся, назад подался:

- Ну, - шепчет, - нет мочи... милый мой...

А соколу ясному уж и самому невтерпеж. Двигает бедрами, вовнутрь толкается. Вначале легонько, бережно, а как зашипел Митя сквозь зубы что-то, как обернулся, очами сверкнул, начал быстрее двигаться Финист. Наклонился ниже, шею Мите поцеловал, уста его сладкие своими поймал, впился поцелуем жадным. Выпрямился, одной рукой бедра Митеньки удерживает, другой плоть его ласкает. Вбивается сильнее ясный сокол в тело молодецкое, чувствует будто с каждым толчком, с каждым вскриком уходит из души его тоска да печаль, заменяет ее страсть огненная, да нежность. Закричал, застонал Митя протяжно, выгнулся, руки выпрямив, телом к суженому своему прижавшись, оросил семенем горячим постель белую.

- Люблю тебя, - будто в бреду шепчет, - люблю...

Услыхал Финист – ясный сокол слова те заветные, вздрогнул, в последний раз в тело милого вбившись, застонал, излился семенем, да на постель упал, за собой Митю увлекая.

- Маленький мой, - молвит хрипло, - люблю тебя, солнце мое ласковое.

Тянется к нему Митенька, вновь целует. Обнял его Финист – ясный сокол крепко и молвит:

- Сказывай теперь, отчего передумал? Отчего найти меня вознамерился.

- Да что я передумал, - хмурится Митя, поудобнее рядышком с Финистом устраиваясь, - никак в толк не возьму.

- Я прилетел к тебе тогда, а на окне ножи острые натыканы. Бился об них я, бился, грудь себе изранил, крылья порезал. Думал, напугал я тебя, маленького, сильно, ласкою своей несдержанною. Думал, не хочешь ты меня видеть боле.

- Не хочу видеть и поэтому ножей в оконницу натыкал? – взвился Митя, рассерженно.

- Ну, - смутился Финист, - я тогда так подумал.

- Ох, бедовый ты мой! – качает головой Митя. – Ножи братья мои в раму натыкали, любви нашей позавидовав, а я в тот же день тебя искать отправился.

Рассказал Митя суженому своему все, что с ним приключилось. Как в гостях и у людей побывал, и у силы нечистой. Как вылечил немоту его Кощей Бессмертный, как помогало ему в пути Чудинко, куколка малая. До самого рассвета сказ затянулся, а как умолк Митя, обнял его Финист крепко, поцеловал и молвит:

- Навек, маленький мой, навек подле тебя останусь. Больше никогда в любви твоей не усомнюсь. Не знаю, как и благодарить тебя за то, что ты совершил. Как прощения просить за каждую твою слезинку, за каждую капельку крови, что по моей вине ты пролил.

- Ш-ш-ш, - прижимает Митя палец к устам его, - молчи. Стало быть, так надо было. Теперь все позади, а ты рядом. Большого мне и не надобно.

Вышли они из опочивальни уж солнце за полдень перевалило. Как увидела их просвирнина дочка, как стала было криком кричать. Мигом успокоил ее Финист – ясный сокол.

- За заботу твою спасибо тебе, а остаться с тобой не могу я. Есть у меня суженый, милый мой. Не кричи, не кляни нас, на чем свет стоит. Кто мужа меняет на яичко, на кубок да на масленку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

В тот же час пустились они в дорогу обратную. Хотелось Мите и маменьку с батюшкой повидать, и на братьев старших погладеть. Не держал на них зла Митя. Все, что не делается – все к лучшему. Навестили они на пути обратном и царевну Милолику с Иваном-царевичем, и королевича с лешим, и к Кощею Бессмертному в гости заглянули. А после, забрал Финист – ясный сокол Митю к себе в царство. И стали они жить-поживать да добра наживать. Приехали к себе домой, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

Было то, иль не было, как знать? Неспроста решила я сказку рассказать. Сказка ложь, да в ней намек - добрым молодцам урок.